

Великая Северная экспедиция

Автор: Татьяна Воробьева

Редактор: А.Барсукова, Ю.Пулит

Составленные по итогам Первой Камчатской экспедиции Вахтенный журнал, отчет В. Беринга, картографические материалы и, в особенности, карты В. Беринга и П. Чаплина (1729 г.) изменили старые представления о протяженности Сибири с запада на восток и о восточном побережье Тихого океана от Камчатки до Чукотского Носа. Итоговая карта экспедиции В. Беринга была долгое время основой для составления новых, более достоверных карт. После экспедиции В. Беринга очертания Чукотского полуострова, а также всего побережья от Чукотки до Камчатки приобретают на картах вид, близкий к их современным изображениям. Таким образом, северо-восточная оконечность Азии была нанесена на карту, и теперь не возникало никаких сомнений в существовании пролива между материками. В первом печатном сообщении об экспедиции, опубликованном в «Санкт-петербургских ведомостях» за 16 марта 1730 года, отмечалось, что Беринг достиг 67 градуса 19 минут северной широты и подтвердил, что «тамо подлинно северовосточный проезд имеется, таким образом, что из Лены... водяным путем до Камчатки и тако далее до Япо-на, Хины (Китая) и Ост-Индии доехать возможно б было».

Первая Камчатская экспедиция имела и большое политическое значение. Она определила границы России на северо-востоке Азии, открыла глаза на возможность изучения новых, еще не известных науке территорий, приковала внимание к Чукотке и северной части Тихого океана, к возможности открытия с запада Северной Америки. В. Беринг считал вопрос о проливе вполне решенным, и сразу по возвращении в Петербург активно занялся подготовкой к следующей экспедиции, главной целью которой было достижение берегов Американского континента. Отчеты Беринга и других участников экспеди-

ции, официальное сообщение о результатах Первой Камчатской экспедиции в Петербургском офицозе 16 марта 1730 года, авторитетные работы Г.Ф. Миллера и многих других исследователей закрепили географическую версию о проливе между Азией и Америкой, и она надолго стала традиционной и господствующей. И хотя практические результаты плаваний Беринга в 1728-1729 годов оказались впечатляющими, он получил повышение в звании, денежное вознаграждение, все же оставался открытым вопрос о местонахождении американского берега. Однако Беринг и Адмиралтейская коллегия считали, что петровская инструкция выполнена не до конца, что почти автоматически предполагало «вторую попытку» ^[29,70]. Все же, в конце 1730 г. Сенат предложил В. Берингу «подать известие, что в Восточном краю признается к пользе государства».

Вскоре Беринг представил проект новой экспедиции для поиска берегов Америки, которая должна была плыть от Камчатки уже не на север (как указывалось в петровской инструкции 1725 года), а на юго-восток, восток, а 4 декабря подал два предложения.

В одном из этих предложений были затронуты вопросы, касающиеся управления, хозяйства и транспорта в Восточной Сибири и на Камчатке улучшения положения служилых людей и местного населения. В. Беринг указывал также на открывающиеся возможности вести с Камчатки торговлю с Японией.

В другом предложении, названном «Всенижайшее помышление не указ, ежели воспримется намерение посылать в экспедицию особливо о Камчатки к осту», В. Беринг выдвинул проект организации новой экспедиции на двух кораблях. Один должен был отправиться к востоку от Камчатки для «проведывания» Америки или других земель, о близости которых у В. Беринга было неправильное представление. «Понеже, выведывая, изобрел я, что далее оста то море волнам, ниже подымается, також и на берег острова, именуемого Карагинской великой сосновой лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросил и для того признаваю я, что Америка или иныя между оной

лежащи земли не очень далеко от Камчатки, например, 150 или 200 миль». Другой корабль должен был «Охотской и Камчатской водяной пре ход до устья р. Амура и далее до Японских островов выведывать; понеже надежду имею, что тамо нарочитые места можно находить»

Расходы на экспедицию определялись В. Берингом в 10-12 тыс. руб. не считая жалования, а также стоимости продовольствия и материала, который следовало завезти в Сибирь для постройки обоих судов, вместимостью по «45-50 ластов» (90-100 т). Суда он предлагал строить на Камчатке. Целью экспедиции должно было быть завязывание торгов с иностранными государствами. В. Беринг писал также, что «ежели заблагорассуждено будет, то можно свободно и на ботах или сухим путем разведать берег от Оби до Лены, понеже оныя земли под высокою державою Российской империи суть». Описательные работы он представлял себе очень небольшими и требовал для них всего двух геодезистов.

В русской и советской историко-географической литературе нет твердо установленного наименования этой экспедиции, ее именуют и Второй Камчатской экспедицией, и Великой Северной, и Сибирско-Тихоокеанской, даже просто Сибирской экспедицией. В документах Адмиралтейств-коллегии с 1732 по 1743 год ее называют Второй Камчатской экспедицией. Первым кто назвал ее Великой Северной экспедицией, был Василий Николаевич Берх – русский историк флота и географ, участник кругосветного плавания на корабле «Нева» под начальством Ю.Ф. Лисянского в 1803-1806 годах. Но все же, пожалуй, наиболее правильным будет именовать ее Второй Камчатской экспедицией. Потому что, такое название удачно указывает на тесную связь ее с Первой Камчатской экспедицией.